

В. А. Бурнаков^{1,2}, **Д. Ц. Цыденова**²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

venariy@ngs.ru; ruta22@rambler.ru

ОБРАЗЫ КАМНЯ И КУРГАНА В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – XX ВЕК) *

На основе архивных, фольклорных и литературных сведений рассматривается комплекс традиционных мифологических воззрений хакасов о камне. В качестве отражения состояний человеческой жизни он сопутствует человеку от рождения и до смерти. Считалось, что камень неотделим от самого бытия людей. Верили, что от него зависит рождение новых человеческих жизней, а конец жизни и по сию пору отмечается могильным камнем. На протяжении всей своей жизни человек постоянно сталкивался и взаимодействовал с камнем, будь то украшение, талисман или обычный галечник на улице, скальник на горах. Камень нередко выступал в качестве распространенного магического предмета. В хакасской культуре он воспринимается как сакральный объект – воплощение и транслятор священных сил природы. С камнем был связан комплекс архаических представлений – культ гор, духов-хозяев местности, почитание предков. Верили, что покровительство каменных божеств обеспечивало плодородие, процветание и успех в деятельности людей, проживающих на территории их локализации. Поэтому обоже- ствлялся как сам камень, так и то место, где он располагался; поклоняясь всему сакральному пространству. Камень являлся важнейшим структурообразующим элементом курганов и других могильных сооружений. В мифологическом сознании хакасов отмечается устойчивое сопоставление курганов с образами их легендарных предков.

Ключевые слова: хакасы, верования, миф, обряд, камень, курганы, духи, предки, судьба.

Актуальность специального исследования образов камня и кургана в мировоззрении хакасов определяется общим ростом интереса к историческому прошлому народов России, их культурному наследию. В полной мере это относится и к хакасам. Природно-ландшафтная особенность Хакасии проявляется в наличии огромного числа горных пород. Камень стал неотъемлемой составляющей культуры, одним из важнейших элементов религиозно-мифологической системы хакасов. Отсутствие отдельного исследования такого явления, как образ

камня и кургана в миропонимании хакасов, объясняет научную новизну настоящей работы, основанную, в том числе, на введении в научный оборот новых архивных и полевых материалов.

Целью работы является определение мифоритуального комплекса хакасов, связанного с камнем и курганами. Исходя из цели, были поставлены следующие задачи: выявление роли сакральных камней в мифологии и обрядовых практиках; установление их значимостей в соционормативной сфере; определение механизма сакрализации ланд-

* Исследование проведено в рамках проекта № 2718 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц. Образы камня и кургана в религиозно-мифологических воззрениях хакасов (конец XIX – XX век) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 256–267.

шафта. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – XX в. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы – научного описания, конкретно-исторического, сравнительно-исторического, структурно-семантического анализа и реликта. Они хорошо разработаны в отечественной науке, в том числе в приложении к народам Южной Сибири [Бутанаев, 1984; 1999; 2003; Бутанаев, Бутанаева, 2001; 2008; 2010].

Степные и лесостепные территории Хакасии широко известны высокой концентрацией могильных камней и курганов. Данный факт закономерным образом нашел отражение в культуре хакасов, включая и топонимику. Наличие этих исторических памятников порой выступает основным маркером для соответствующих пространственно-географических обозначений данного региона, например: «*közeelig / obaalыг чазы*» – ‘могильная / курганная степь’ или «*обалалыг чирлер*» – ‘земли, где много курганов’, «*обaalыг ачых*» – ‘курганная поляна’ [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 193, 290; Каратанов, 1884. С. 32; Кропоткин, 1895. С. 48; Островских, 1895. С. 325; Очерки..., 2008. С. 194], «*хырых кјүрген*» – ‘сорок курганов’, *кјүрген тигей* – ‘курганная сопка’, «*сохпах обаа* (букв. нагромождение курганов)» – ‘степь сохпах-обаа по р. Абакану’, «*хызыл обаа* (букв. красная курганная насыпь)» – ‘местность по р. Камышта’, «*Ах обаа* (букв. Белая курганная насыпь)» – ‘местность Ахобаа по р. Белый Июс’, «*Ах тас* (букв. Белый камень)» – пос. Оросительный, «*Тазоба пилтірі*» – пос. Калинино [Бутанаев, 2011а. С. 179, 192], Ташеба (хак. «*Тас обаа*» – поселок в Усть-Абаканском р-не), *Төрт тас* (букв. ‘Четыре камня’ – село в Аскизском р-не), Таштып (хак. *Тастыг* – каменная – село в Таштыпском р-не), «*Харатас*» (букв. черный камень / уголь) – г. Черногорск / г. Саяногорск), *Köп обаа* (букв. много курганных камней на р. Утты в Бейском р-не) и др.

Живописная картина обширной хакасской степи с неисчислимым множеством древнейших могильников с монументальными камнями нередко производила и продолжает производить неизгладимое впечат-

ление на многих людей, впервые увидевших уникальные историко-культурные объекты этого региона. Не стали исключением и путешественники, исследователи XVIII–XIX вв. [Гмелин, 2004; Георги, 2007; Степанов, 1835]. Образ величественных культовых монументов прошлого пролегал красной линией в их записках и воспоминаниях об этом уникальном месте. Так, например, известный русский писатель С. А. Елпатьевский, описывая Абаканскую степь, отмечал ее яркую особенность: «Тиха и мертва огромная Абаканская степь. Безоблачно раскаленное небо, зноем пышущая растрескавшаяся от жары земля, низкая выжженная степная трава <...> Вправо и влево, куда только глянет глаз, горячее синее небо, раскаленная земля, бесконечный ковыль, бесконечные могилы <...> Вот показалась между могилами сонная фигура качинца. Опустивши голову на грудь, он медленно покачивается в седле и тянет свою бесконечную, тихую, как журчанье горного ручья, песню» [1958. С. 59–60]. Свои воспоминания о хакасской степи оставил и православный священник Пимен, сообщавший, что «картина степи очень разнообразная. Далекий горизонт голых холмов, скудная растительность, то там, то в другом месте курган, могильник, стада овец, лошадей, скота и изредка попадающий верховой татарин» [1958. С. 64].

Жизнь, быт и повседневная хозяйственная деятельность хакасских степняков проходила и проходит среди этих каменных памятников. Они в большом количестве расположены как непосредственно в селениях (рис. 1), так и на окрестных пастбищах. Как известно, в степи скотоводство являлось и продолжает оставаться основной отраслью хозяйства и одной из главных ценностей в жизни местных жителей. В связи с этим хакасы на протяжении веков стремились на мифоритуальном уровне обеспечить сохранность и приумножение домашнего скота, от которого полностью зависело их благосостояние. Практически вся их обрядность в той или иной степени была связана с окружающим пространством и находящимися в нем объектами. Верили, что одним из ключевых сакральных объектов, благотворно влияющих на весь хозяйственный уклад и в целом – жизнеобеспечение скотоводов, является священный камень.

Рис. 1. Курган близ с. Апчинаев (Бельтыры) Аскизского района Республики Хакасия (фото автора, 2012 г.)

В традиционном мышлении камень выступает наглядным символом вечности, крепости и стабильности. Высекая в каменной породе образы божеств, человек тем самым персонифицировал их, делал умопостигаемыми и, естественно, – наделял особой сакральной силой. На камнях и скалах предки хакасов увековечили свои письмена, что нашло отражение в их подобающих названиях: «*пичиктиг хайа*» – ‘букв. писанная скала’, «*сиген хайа*» – ‘букв. чертежная скала’, «*пизелиг хайа*» – ‘букв. вырезанная скала’, «*таңмаліг тас*» – ‘букв. камень с тамгами’ и др. [Бутанаев, 2011б. С. 226], «*пичиктиг тас*» – ‘писанный камень’. О древней традиции письма на камне имеются сведения и в эпическом творчестве хакасов:

«Аттаң түскен Хулатай,	‘Сошел с коня Хулатай
Обаа хырина килген,	И к обаа подошел,
Ай чалбагы моладың	Свой широченный меч
Хынынаң суура тартхан,	Вытащил он из ножен,
Мөхтен парған обааның	Обросший мхом обаа
Мөгін хыя идібискен,	От мха очистил
Молат хылыс пізінең	И острием стального
	меча
Пічік пазып турыбысхан»	Письмо стал писать’

[Алтын Арыг, 1988. С. 157, 399].

В обрядовый комплекс хакасов помимо отдельных скал, утесов входят и каменные изваяния, называемые хакасами *көзее* и *обаа*. Они представляют собой археологиче-

ские памятники различных исторических эпох – изваяния, менгиры, надмогильные камни, стелы и пр. Отдельные из этих камней обладают ярко выраженной антропоморфностью либо несут в себе соответствующие изображения. Вероятно, это и предопределило их типичные наименования в культуре хакасов: *Иней тас* – Бабушка-камень, *Иней обаа* – Каменная баба, *Хуртуях тас* – Старушечий камень, *Өрекен тас* – Старуха-камень, *Апсах тас* – Старик-камень, *Хыс көзее* – девичий камень, *Хыс обаа* – изваяние каменной девицы, *Хыс тас* – Дева-камень, *Хыс үлгүзі* – Девичье изваяние, *Тулун обаа* – ‘стела с двумя косами’, *Алып тас* – Богатырь-камень, *Кізі тас* – Мужчина / Человек-камень, *Ызых тас* – Священный камень и др. [Костров, 1852. С. 63–64; Клеменц, 1884. С. 33–35; Бутанаев: 2003. С. 192–198; 2011а. С. 245; 2011б. С. 94].

Исследователями было давно подмечено, что в мифологическом сознании хакасов почитание таких камней тесно связывается с культом предков и плодородия. Так, например, Н. Ф. Катанов, описывая воззрения и обрядность этого народа, обусловленные верой в сакральную силу каменных изваяний, сообщал о том, что они «почитают их как своих предков, и мажут им рот маслом и сметаной» [1897. С. 539]. На традицию почитания хакасами отдельных камней и утесов обращал внимание также И. Каратанов.

Его личные наблюдения точно характеризуют религиозно-мифологическое восприятие этих историко-культурных объектов. Так, автор сообщал, что «по поверью инородцев, все эти истуканы будто бы окаменевшие люди; они делают им жертвоприношения, не любят, если кто над ними насмехается или старается уверить, что это дело рук человеческих» [1884. С. 31–32]. Представленные сведения нашли отражение и в хакасском фольклоре. Согласно ему, эти камни олицетворяют собой далеких предков, окаменевших по воле верховных божеств – *чайаан’ов*. Считалось, что в прошлом большинство из них были богатырями, шаманами и выдающимися личностями [Кастрен, 1999. С. 220, 246; Орфеев, 1888. С. 146].

В народе и сейчас распространены глубокие убеждения, что каменные изваяния, расположенные в той или иной долине (округе), обладают огромной духовной энергией – *чир худы* (букв. силой земли). Верят, что она благотворно влияет на всю окружающую их территорию и, главным образом, на местных жителей. Из-за нее они сохраняют свою жизнестойкость и получают от земли и далеких предков всевозможные блага. Эти религиозно-мифологические воззрения представлены, например, следующей поговоркой: «*ах кӧзее – чоннын худы*» – ‘белая каменная стела – *кӧзее* является жизненной силой народа’, проживающего в этой местности (т. е. поставленные в степи изваяния оберегают коренных обитателей, держат душу – *хут*, в результате чего, они богатеют, а их скот множится) [Бутанаев, 2011а].

Сакрализация *кӧзее* / *обаа* способствовала выработке традиционных соционормативных установок по отношению к ним. По сведениям известного в прошлом шамана Е. М. Кызласова – большого знатока верований и фольклора хакасов, около каменного изваяния запрещалось проявлять негативные эмоции, спорить, конфликтовать. «В древности, – утверждал шаман, – нельзя было убить достигнутого врага, если он садился подле такого кӧзе»¹. *Кӧзее*, таким образом, в культуре хакасов наделяется еще и апотропейной функцией.

¹ Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. 5. Оп. 7. Д. 62. Л. 4.

Традиционная мифоритуальная практика хакасов по отношению к таким камням запечатлелась в эпическом творчестве:

«Арғалығ Ах сын ұстӧнде ‘На высоком хребте
Ах-сын
Ах обаа турчададыр, Белый обаа стоит,
Ах обааның хыринда Возле Белого каменного
обаа
Анда тохтабысханнар, [Все] остановились.
Пора Нинчи, абахай, Женщина Пора-Нинчи
Торсыхтығ азын тӧзирген. Бурдюк с вином сняла
[с коня],
Арачан-хорачан асты, Тут и там побрызгала
Аар-пеер толадыбысхан, Вином арачаном-
хорачаном,
Алып чахсыларына Лучшим из богатырей
Пӧрердең читкіс турадыр» По одной чаше подает’

[Алтын Арығ, 1988. С. 129, 370].

Одним из наиболее известных в Хакасии сакральных каменных объектов был *Иней тас*², располагавшийся в верховьях р. Аскиз, близ *аал’а* (селения) Сескин, и уничтоженный в 1950-е гг. в результате антирелигиозной кампании (рис. 2). Следует пояснить, что под названием *Иней тас* понималась как непосредственно гора с высоким каменным столбом естественного происхождения (*Улуг Иней тас*), так и каменное изваяние женщины (*Кичіг Иней тас*) «величиной с аршин», стоявшее на горе у подножия этого природного объекта. Местные хакасы воспринимали данное место в качестве обители горных духов – *таг ээзі* и использовали как святилище, ежегодно совершали обряд горного жертвоприношения – *таг тайыг* (рис. 3, 4).

На большую религиозную значимость этого священного для хакасов места первым из исследователей обратил внимание Д. А. Клеменц. Он сообщал, что «уважением Иней-тас пользуется громадным. Ни один татарин (хакас. – *В. Б.*) не проедет мимо утеса, не бросив несколько капель вина в честь его. Смеяться, громко говорить, проезжая мимо Иней-таса, очень опасно, – может постигнуть несчастье в дороге, чему было немало примеров» [1891. С. 27].

² Заслуживает внимания тот факт, что под названием *Иней тас* понималось несколько почитаемых объектов. По материалам В. Я. Бутанаева, одно из таких сакральных изваяний, имевшее еще и второе название – «*Хыргыс иней*» – ‘Кыргызская прама-терь’, находилось в скальной нише горы «*Иней таг*» по р. Нине [2011б. С. 232; Очерки..., 2008. С. 158].

Рис. 2. Разрушенное в 1950-х гг. культовое место *Иней тас* близ с. Казановка Аскизского р-на Республики Хакасия (фото автора, 2013 г.)

Рис. 3. Мемориальная плита у подножия культового места *Иней тас* близ с. Казановка Аскизского р-на Республики Хакасия (фото автора, 2013 г.)

Рис. 4. Культурная коновязь у культового места *Иней тас* близ с. Казановка Аскизского р-на Республики Хакасия (фото автора, 2013 г.)

Между тем обожествление хакасами *Иней тас* вызывало большую тревогу у православных миссионеров. Необходимо отметить, что в конце XIX – начале XX в. в Хакасии, как и в других регионах России, продолжался активный процесс борьбы Русской православной церкви с местным язычеством. Отдельные миссионеры нередко применяли радикальные меры в искоренении архаических культов. Прежде всего, это выразилось в гонении на шаманов, запрещении их ритуальной практики и иной традиционной обрядности, уничтожении культовой атрибутики и др. В русле развития этих процессов, аскизский священник В. Суховский изъял каменное изваяние *Иней тас* со своего исконного места.

Вывоз каменного божества вызвал большое недовольство среди местного населения. Данный факт послужил особым импульсом для народного мифотворчества. Оно представляло естественную реакцию на происходящие события. Среди местных жителей в русле традиционных представлений широко распространился миф, основным сюжетом которого явилось стремление горных духов вернуть на место религиозную

святыню хакасов. Он в полной мере отражал реалии того времени – доминирующее положение Русской православной церкви и ее стремление административными и иными способами изжить традиционные культы хакасов.

Имели место случаи разрушения ретивыми поборниками христианства в тот период и иных традиционных святынь. Так, например, печальной оказалась судьба каменного изваяния «*Хозан хыс*» – ‘букв. заяц-дева’ [Бутанаев, 2003. С. 199]. Несмотря на подобный вандализм и надругательство над культовыми объектами, имевшими место как в дореволюционное, так и советское время, в народе всегда сохранялось почтительное отношение к ним.

Заслуживает внимания тот факт, что находящиеся в Хакасии каменные изваяния имеют не только антропоморфные, но и зооморфные черты. При этом в культуре народа каменные изваяния с выразительным зооморфным обликом также весьма почитаемы. Отдельные из них представляют собой изображения домашнего скота: *хуча тас* – ‘каменный баран’, *хосхар тас* – ‘каменный козел’, *пуга тас* – ‘бычий камень’,

инек тас – коровий камень, *ат обаа* – ‘конское изваяние’, *адай обаа* – ‘собачье изваяние’ и др. Традиционное отождествление образов отдельных доместифицированных животных с камнем нашло отражение в народной речи, например: «*чоон тастарны инек тастар тічеңнер*» – ‘огромные камни называют валунами (букв. коровьими камнями или камнями размером с корову)’ [Бустанаев, 2011б. С. 72].

В религиозно-мифологической системе хакасов эти каменные скульптуры олицетворяли собой гениев-хранителей и покровителей стада. Они же служили воплощением «*мал худы / мал ырызы (таланы)*» – души и счастья домашнего скота. Местное население регулярно почитало их путем подношения табака, кусочков пищи, кропления молочных и спиртных напитков, воскурений и пр. Кроме того, в честь отдельных каменных божеств с разной периодичностью производились общественные жертвоприношения – *тайыг*. Так, например, *хуча тас*, располагавшийся по р. Уйбат близ селения Усть-Бир, почитался ежегодно. А *көк пуга тас*, находящийся в долине Енисея у г. Куня, чествовался один раз в три года [Бустанаев, 2003. С. 199].

Археолог и этнограф А. Н. Липский в 1950-х гг. в целях спасения археологических памятников и пополнения музейной коллекции Хакасского областного краеведческого музея активно занимался вывозом из степей каменных изваяний. Среди них наиболее известными культовыми объектами были *Улуг Хуртуях Тас* и Биджинский каменный баран. Производимые работы фиксировались в его полевых дневниках и рукописных материалах, ныне в большинстве своем хранящихся в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Большой интерес представляет запись, в которой описывается случай, произошедший в процессе работы по демонтажу каменных изваяний. Приведенные сведения прекрасно характеризуют религиозно-обрядовую значимость для хакасов этих каменных изваяний. В документе сообщается следующее: «Изваяние Биджинского барана найдено было и впервые описано экспедицией финских историков еще в 1887 году, но так плохо ориентировано, что потребовалось множество глаз местных школьников, чтобы отыскать его в степи. И вот, когда затем, с помощью учащихся старших клас-

сов первой школы г. Абакана я производил выкапывание этого изваяния, чабан – старый хакас, пасший неподалеку овец, чуть было не пустил в дело свой увесистый кнут, чтобы подкрепить свой протест о недопустимости увоза изваяния.

– Что кричишь, – сказал я ему, – ты старый человек и я, как видишь, седой. Нам не к лицу уже кричать, давай лучше спокойно поговорим.

Чабан сошел с коня, сел на курганном камне и стал набивать трубку. Он нервничал и трубка никак не попадала в кисет, чтобы нагрести табак.

– Увезешь кўзе, сказал старый хакас, – у нас овцы плохо плодятся будут.

– Ты хитрый человек – ответил я, – Ты хочешь, чтобы только у вас плодились овцы. А я увезу кўзе в Абакан, так он будет служить и вам и другим людям – им ведь тоже нужны овцы.

Старик закурил трубку, некоторое время помолчал, а потом сказал в раздумье:

– Ты, пожалуй, прав. Вези.

К такого же рода доводам я должен был прибегнуть в разговоре со старой хакасской улуса Онхакова при вывозе изваяния Хуртуях тас. Но там основанием протеста была боязнь, что с увозом Хуртуях тас – Старушки каменной, уменьшится рождаемость детей в соседних улусах. В этой связи надо отметить, что пожилые хакасы, когда они приходят в наш музей и осматривают собранные там изваяния, они их называют иней тас – бабушка, мать каменная. А еще совсем недавно редко кто из пожилых хакасов проходил мимо такого изваяния, не угостив его и не обратившись к нему с той или иной просьбой-молитвой, преимущественно о благополучии стада, о здоровье детей, о их ниспослании»³.

Обращает на себя внимания тот факт, что сами каменные изваяния и скопления курганов тагарской культуры раннего железа, характерных наличием высоких каменных контрфорсов в стенах оград, гармонично вписываясь в степной ландшафт Хакасии, издавна, особенно с возвышенностей с поразительной схожестью воспроизводят образ пасущихся животных (рис. 5). Подобные ассоциации невольно возникали не только в умах коренных обитателей, но и у многих

³ Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. 5. Оп. 7. Д. 62. Л. 7–8.

Рис. 5. Каменные плиты на оградах курганов тагарской культуры на правом берегу р. Белый Июс у г. Тарпиг в Орджоникидзевском р-не Республики Хакасия (снято с ССВ; фото С. Г. Скобелева 2009 г.)

исследователей XIX в., побывавших в этих местах: «Чем больше мы приближались к левому берегу Абакана, густой березовой кустарник, которого как будто купался в воде, тем величественнее представлялась нам картина безграничной Качинской степи, усеянной кое-где стадами пасшегося скота и черными плитами чудских могил, которые можно было издали принять также за пасшийся скот» [Костров, 1852. С. 9]; «Степь была усеяна бесчисленным множеством вертикально торчавших плит, казавшихся издали пасущимися стадами» [Корнилов, 1854. С. 628]; «Могилы встречаются иногда в таком количестве и на таких обширных пространствах, что, благодаря каменным плитам, которые их окружают, принимают издали вид пасшегося стада» [Кропоткин, 1895. С. 48].

Констатируемое образное сходство камней и скота в общей панораме степи вполне соответствует распространенным среди хакасов мифологическим воззрениям о «каменных животных» духов-хозяев местности – ээзи. В историко-этнографической литературе неоднократно описывалась религиозная традиция хакасов сооружать в отдельных сакральных местах – горах, пещерах и около каменных изваяний своеобразные алтари в виде специальных песчаных площадок небольших размеров. Они в миниатюре воспроизводили степные пастбища. На них помещали различные каменные фигурки и галечник – олицетворение домашнего скота [Клеменц, 1884; 1891. С. 27; Каратанов, 1884. С. 31; Яковлев,

1900. С. 112]. Многие камешки, окатанные водой, имели хотя и естественную по происхождению, но откровенно фаллическую форму [Кызласов, 1986. С. 171]. В религиозно-мифологическом сознании хакасов они наряду с антропоморфными каменными изваяниями также воплощали собой сакральную жизненную силу их скота. Верили, что эти камни в далеком прошлом были домашними животными их предков и по воле духов приняли соответствующий вид. Наличие специальных святилищ и регулярное проведение обрядов жертвоприношения духам-покровителям, по их убеждениям, обеспечивали благополучие в жизни и хозяйственной деятельности. Вера в волшебные свойства этих камней была столь велика, что считали – «камень из поскутины хоть куда унеси, они сами назад возвратятся» [Яковлев, 1900. С. 112].

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов камень и его образ, в силу большой утилитарной, мифоритуальной и религиозной значимости, занимал и продолжает занимать одно из ключевых мест. Он наделялся высоким семиотическим статусом, на протяжении веков воспринимаясь в качестве сакрального объекта – воплощения духов-божеств природы и предков. С этим культовым объектом связывался комплекс мифологических представлений о сакральной жизненной силе, плодородии, душе и счастье не только человека, его семьи и рода, но и представителей животного мира. Камень являлся важнейшим структу-

рообразующим элементом курганов и других могильных сооружений. В мифологическом сознании хакасов отмечается устойчивая ассоциация курганов с образами их легендарных предков. Священные камни и курганы способствовали сакрализации окружающего людей пространства.

Список литературы

Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.

Бутанаев В. Я. Хакасские народные названия исторических памятников // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1984. С. 127–135.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: УПП «Хакасия», 1999. 240 с.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.

Бутанаев В. Я. Особенности культуры и быта тюрков Саяно-Алтая. Астана: Кантана Пресс, 2011а. 440 с.

Бутанаев В. Я. Русско-хакасский словарь (около 15 тыс. слов). Петропавловск: Полиграфия, 2011б. 940 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор. Абакан: Изд-во ХГУ, 2001. 148 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мир хонгорского фольклора. Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. Абакан: ООО «Кооператив “Журналист”», 2010. 240 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Русская симфония, 2007. 808 с.

Гмелин И. Г. Тюрки Красноярского уезда и их шаманы // Наука из первых рук. 2004. № 0. С. 124–129.

Елпатьевский С. А. Абаканская степь // Русские писатели о Хакасии. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. С. 59–60.

Каратанов И. Черты внешнего быта кочинских татар // Изв. ИРГО. 1884. Т. 20, вып. 6. С. 6–33.

Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь. Тюмень: Ю. Мандрики, 1999. 352 с.

Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: Типо-Лит. Имп. Казан. ун-та, 1897. 104 с.

Клеменц Д. А. Минусинская Швейцария и боги пустыни (из дневника путешественника) // ВО. 1884. № 5. С. 10–12.

Клеменц Д. А. Краткий предварительный отчет об экскурсиях в системе Абакана, выполненный по поручению г. Адрианова в 1883 г. членом экспедиции в Восточный Алтай и Западную часть Минусинского округа Дмитрием Клеменцем // Зап. ЗСО ИРГО. Омск: Тип. Окр. штаба, 1891. Кн. 11. С. 1–31.

Корнилов И. Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин земледелия и путешествий. М., 1854. Т. 3. С. 605–644.

Костров Н. А. Качинские татары. Казань: [Тип. Губ-го правл-я], 1852. 66 с.

Кропоткин А. А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. СПб.; М.: Изд. Тов-ва М. О. Вольф, 1895. Т. 12, ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. С. 19–50.

Орфеев Н. Предания о курганах у инородцев Минусинского округа // ЕЕВ. 1888. № 11. С. 145–147.

Островских П. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 672 с.

Пимен. По Минусинскому округу // Русские писатели о Хакасии. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. С. 61–64.

Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1835. Ч. 1. 278 с.

Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 212 с.

V. A. Burnakov^{1,2}, D. Ts. Tsydenova²

¹ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

venariy@ngs.ru; ruta22@rambler.ru

IMAGE OF THE STONE AND BARROW IN RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL VIEWS OF KHAKAS (END OF XIX – XX CENTURIES)

Purpose: The aim of the work is to determine the myth-ritual complex Khakases associated with stone and mounds. Based on the objectives, the following tasks were: identifying the role of sacred stones in mythology and ritual practices, establishing their importance in the socio-regulatory matters; determination mechanism sacralization landscape. Chronological framework works span the end XIX – XX centuries. The choice of these time limits is caused, first of all, the state of the source base on the research theme. The work is based on an integrated, system-historical approach to the study of the past, on historical and ethnographic methods – scientific description, a concrete historical analysis, comparative historical, structural and semantic relic.

Results: Relevance of a special study of the image and stone mound in outlook Khakases determined by the general increase in interest in the historical past of the peoples of Russia, and their cultural heritage. This fully applies to the Khakassia. Natural landscape feature Khakassia being available a huge number of rocks. For centuries the local population was able to adapt to these conditions. Stone has become an integral part of their culture. People learned how to handle and use in diverse economic activities. This fact naturally manifested itself in the spiritual life of people, their worldview. Stone and his image became one of the most important elements of religious and mythological system Khakases. Absence of a separate study on this issue prevents objective understanding of the culture and the full use of its centuries-old experience of modern society. Scientific novelty lies in the fact that the image of the stone and the mound worldview Khakases first became an object of special study. In addition, the scientific revolution introduced new archival materials and field.

Conclusion: In a culture Khakases stone and his image, because of the great utilitarian, mythos-ritual and religious significance, occupied and continues to occupy one of the key places. He is endowed with high semiotic status. For centuries, it was regarded as a sacred object - the epitome of spiritual nature deities and ancestors. With this cult object binding complex mythological representations of the sacred life force, fertility, and happiness of the soul, not only of man, his family and clan, but also representatives of the animal world. Stone is the most important, structural element burial mounds and other structures. In mythological consciousness Khakases mounds there is a stable association with the images of their legendary ancestors. Sacred stones and barrows contributed sacralization space.

Keywords: Khakas, beliefs, myth, ceremony, stone, barrows, spirits, ancestors, destiny.

References

- Altyn-Aryg. Khakasskii geroicheskii epos* [Khakas Heroic Epic]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 592 p. (In Russ.)
- Архив МАЕ РАН (Kunstkamera). Fond 5. Opis' 7. Delo 62 «A. N. Lipskii. Skulptura eneolita na Enisee i eyo initsiativnaya osnova [A. N. Lipsky Sculpture Chalcolithic on the Yenisei and Its Proactive Basis]. 10 p. 1957. Fund 5, inventory 7, case (folder) 62. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. Khakasskie narodnye nazzvaniya istoricheskikh pamyatnikov [Khakas Folk Names of Historical Sites]. *Voprosy drevnei istorii Yuzhnoi Sibiri*, Abakan, KhO Krasnoyarsk. kn. Publ., 1984, p. 127–135. (In Russ.)

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar'* [The Khakass-Russian Historical-Ethnographic Dictionary]. Abakan, Khakasiya Publ., 1999, 240 p. (In Russ.)

Butanaev V. Ya. *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burkhanism Turks Sayano-Altai]. Abakan, KhGU Publ., 2003, 260 p. (In Russ.)

Butanaev V. Ya. *Osobennosti kul'tury i byta tyurkov Sayano-Altaya* [Features Culture and Life of the Sayano-Altai Turks]. Astana, Kantana Press Publ., 2011a, 440 p. (In Russ.)

Butanaev V. Ya. *Russko-khakasskii slovar'* (okolo 15 tys. slov) [Russian-Khakassian Dictionary (about 15 Thousand Words)]. Petropavlovsk, Poligrafiya Publ., 2011b, 940 p. (In Russ.)

Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. *Khakasskii istoricheskii fol'klor* [Khakas Historical Folklore]. Abakan, KhGU Publ., 2001, 148 p. (In Russ.)

Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. *Mir khongorskogo folklora* [Khongor World Folklore]. Abakan, KhGU Publ., 2008, 376 p. (In Russ.)

Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. *My rodom iz Khongoraya* [We Come from Hongor]. Abakan, Kooperativ Zhurnalists Publ., 2010, 240 p. (In Russ.)

Georgi I. G. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov, ikh zhiteiiskikh obryadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostei* [A Description of All Living in the Russian State Nations, Their Everyday Rituals, Usages, Clothing, Shelter, Exercise, Fun, Memorable, and Other Faiths]. St.-Peterburg, Russkaya simfoniya Publ., 2007, 808 p. (In Russ.)

Gmelin I. G. Tyurki Krasnoyarskogo uезда i ikh shamany [Turks Krasnoyarsk District and Their Shamans]. *Nauka iz pervykh ruk*, 2004, no. 0, p. 124–129. (In Russ.)

Elpat'evskii S. A. Abakanskaya step' [Abakan Steppe]. *Russkie pisateli o Khakassii*, Abakan, Khakas. kn. Publ., 1958, p. 59–60 (In Russ.)

Karatanov I. Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar [Features External Life Kaczynski Tatars]. *Izvestiya IRGO*, 1884, vol. XX, iss. 6, p. 6–33. (In Russ.)

Kastren M. A. *Puteshestvie v Sibir'* [Travelling to Siberia]. Tyumen', Yu. Mandriki Publ., 1999, 352 p. (In Russ.)

Katanov N. F. Otchet o poezdke, sovershennoi s 15 maya po 1 sentebrya 1896 g. v Minusinskii okrug Enisseiskoi gubernii [Trip Report, Done from May 15 to Sept. 1. 1896 Minusinsk District Yenisei Province]. Kazan', Tipo-Litografiya Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta Publ., 1897, 104 p. (In Russ.)

Klements D. A. Minusinskaya Shveitsariya i bogi pustyni (iz dnevnika puteshestvennika) [Minusinsk Switzerland and the Gods of the Desert (From the Diary of a Traveler)]. *Vostochnoe obozrenie*, 1884, no. 12, p. 10–12. (In Russ.)

Klements D. A. Kratkii predvaritelnyi otchet ob ekskursiyakh v sisteme Abakana, vypolnennyi po porucheniyu g. Adriyanova v 1883 g. chlenom ekspeditsii v Vostochnyi Altai i Zapadnyuyu chast Minusinskogo okruga Dmitriem Klementsem [A Brief Preliminary Report on Excursions in the System Abakan Made on Behalf of Mr. Adrianov in 1883 a Member of the Expedition to the East Altai and the Western Part Minusinsk District, Dmitry Klements]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo ot-dela IRGO*, Omsk, Tipogr. Okr. Shtaba Publ., 1891, Kn. II, p. 1–3. (In Russ.)

Kornilov I. Vospominaniya o Vostochnoi Sibiri [Memories of Eastern Siberia]. *Magazin zemlevedeniya i puteshestvii*. Moscow, 1854, vol. 3, p. 605–644 (In Russ.)

Kostrov N. A. *Kachinskie tatory* [Kachinski Tatars]. Kazan', Tip. Gub. Pravleniya Publ., 1852, 66 p. (In Russ.)

Kropotkin A. A. Sayanskii khrebet i Minusinskii okrug [Sayan Ridge and Minusinsk District]. *Zhivopisnaya Rossiya, t. XII, ch. 1. Vostochnye okrainy Rossii. Vostochnaya Sibir'*, St.-Peterburg, Moscow, Tov. M. O. Volf Publ., 1895, p. 19–50. (In Russ.)

Orfeev N. Predaniya o kurganakh u inorodtsev Minusinskogo okruga [Legends about the Mounds of Native Peoples, Minusinsk District]. *Eniseiskie eparkhialnye vedomosti*, 1888, no. 11, p. 145–147. (In Russ.)

Ostrovskikh P. E. Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraya [Ethnographic Notes about the Turks Minusinsk Territory]. *Zhivaya starina*, 1895, vol. III–IV, p. 297–348. (In Russ.)

Ocherki istorii Khakasii (s drevneishikh vremen do sovremennosti). Abakan, KhGU Publ., 2008, 672 p. (In Russ.)

Pimen. Po Minusinskomu okrugu [On Minusinsk District]. *Russkie pisateli o Khakassii*, Abakan, Khakas. kn. Publ., 1958, p. 61–64 (In Russ.)

Stepanov A. P. *Eniseiskaya guberniya* [Yenisei Province]. Ch. 1. St.-Petersburg, Konrad Vingeber Publ, 1835, 278 p. (In Russ.)

Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 1114 p. (In Russ.)

Yakovlev E. K. Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitelnyi katalog etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya [Ethnographic Overview on Native Population South Yenisei Valley and Explanatory Catalog Ethnographic Department of the Museum. Description Minusinsk Museum]. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ., 1900, vol. IV, 212 p. (In Russ.)